

МЫ И ПУШКИН

По поводу статьи «Ленина—сняли, Пушкин на очереди?»

Статья продолжает обсуждать острую тему об отношении общественности к переносу памятника великому русскому поэту А. С. Пушкину в связи с планом реконструкции парка «Штефан чел Маре». Статья изложена как бы на материале встречи, организованной Госдепартаментом по национальным вопросам для обсуждения и выяснения отношения русской общественности к плану реконструкции парка, представленному директором управления «Памятники, архитектура, изобразительное искусство и дизайн» Министерства культуры и культов Молдовы господином Брага.

На встрече выступил г-н Брага с информацией о плане реконструкции парка. Своё мнение по плану реконструкции, отдельным его положениям, об историческом значении парка как культурного наследия города, о правомерности, целесообразности реконструкции высказались представители общественности.

В конце я суммировал результаты обсуждения и сказал, что мнение общественности будет доведено до сведения правительства республики и муниципального Совета.

Статья об этой встрече изложена крайне тенденциозно и вопреки журналистской этике. Буквально с первой строки чувствуется неприятие к организатору и к самой встрече: «Недавно господин Гребенщиков, из-

вестный борец за воссоединение с матерью-Румынией... создал общественность, чтобы получить ответ: как «русофоны» относятся к идее переноса памятника А. С. Пушкину...», «толкнул от подобной говорильни — никакого»... «Но, видимо, для очистки совести господин Гребенщиков создал руководителем Русского центра...» «Собравшиеся старались втолковать господину Гребенщикову...» «Господину Гребенщикову постарались дать понять... и так далее».

Какое впечатление на читателя старался произвести автор подобной информации, понять нетрудно. Тот, кто поставлен во главе Госдепартамента по национальным вопросам и «должен защищать права национальных меньшинств Молдовы», враждебен им, в частности русским, что у него нечиста совесть, ибо он сам за перенос памятника А. С. Пушкину, а устроил встречу русской общественности с разработчиками плана реконструкции парка лишь для очистки совести, что Гребенщикову надо было еще «втолковывать» и «дать понять», что памятник переносить не следует. Автор часто повторяет «русофоны», «русофонская общественность» — слова, употребляемые организатором встречи. Вот вам образчик дезинформации, грубости и отсутствия журналистской культуры.

Если я на встрече своего

мнения не высказывал, то откуда у П. Раду этот набор выпадов? Даже те возражения против плана в целом и отдельных его сторон, высказанные представителями общественности, не приведены в статье.

Поскольку в плане реконструкции проектируется перенос памятника, и общественность это обстоятельство очень волнует, то необходимо было выслушать её мнение. Хотя автор и утверждает, что «...толку от подобной говорильни — никакого», встреча прошла на должном уровне, и представители заинтересованных организаций высказали много критических замечаний по некоторым положениям самого плана. Жаль, что П. Раду не нашёл места в своей статье, чтобы воспроизвести главные доводы против реконструкции парка, против переноса памятника и других объектов парка. А общественности надо знать о целесообразности, об исторической правомерности реконструкции парка.

Судя по содержанию статьи, автор П. Раду и не ставил перед собой задачу прояснить читателю существо плана реконструкции и его оценку представителями общественности, которая была дана на встрече. Автор просто на место разработчиков плана поставил Госдепартамент по национальным вопросам и все своё «благородное» возмущение сосредоточил на Гребенщикове, а поскольку оснований для

возмущения на самой встрече не нашлось, то пустился в домыслы.

Мнение, выраженное участниками встречи, было передано в правительство Республики Молдова, Министерству культуры и культов, муниципальный Совет.

Что касается моего личного отношения к переносу памятника, то аргументы, высказанные на встрече против реконструкции парка, мне показались более убедительными, чем за её осуществление. На самом деле, потребуются значительные материальные затраты, будет дан повод для спекуляций о «национальном ущербе». Да и 35-летнее нахождение памятника на нынешнем месте — это уже история, а к истории нужно относиться с особым вниманием.

В заключение хотел бы высказаться об утверждении П. Раду, что я — «известный борец за воссоединение с матерью-Румынией». Я уважаю молдавский народ, его право на самоопределение. Но не мне, человеку, проживающему в Молдове всего 20 лет, высказывать по этому поводу категоричные, навязчивые мнения. Пусть важный вопрос своего будущего решают демократичным путем все граждане Молдовы, и для меня их решение будет законом.

Виктор ГРЕБЕНЩИКОВ, генеральный директор Государственного департамента по национальным вопросам.

Об истории открытия памятника А. С. Пушкину в Кишиневе

В связи с возникшим вопросом о ВОЗВРАЩЕНИИ (именно о возвращении, а не переносе) памятника А. С. Пушкину на его старое, историческое место, ряд читателей обратились с просьбой рассказать подробно об истории открытия этого памятника поэту. Редакция попросила выступить по этому вопросу профессора-пушкиниста, председателя Пушкинской комиссии, заслуженного работника культуры Республики Молдова Бориса Алексеевича ТРУБЕЦКОГО.

В середине 40-х годов я ознакомился в Национальном архиве Республики Молдова с обширным «Делом об установлении памятника Пушкину в Кишиневе», на 192 листах, начатым 14 июля 1880 года и оконченным 15 ноября 1885 года. Это «Дело» ценно для нас не только тем, что в нём подробно излагается вся история создания памятника А. С. Пушкину в Кишиневе, но и тем, что содержит подробное описание того, как проходил сам процесс открытия этого памятника, что может быть использовано при возвращении памятника на его историческое место.

Из этого «Дела» видно, что в 1880 г. преподаватели Кишиневской гимназии хотели заказать для актового зала бюст А. С. Пушкина, но из-за отсутствия достаточных средств (1000 рублей) отказались от своего замысла. Тогда решено было начать сбор частных пожертвований на сооружение памятника А. С. Пушкину в Кишиневе, на что последовало разрешение министра внутренних дел. Для сбора средств была образована специальная комиссия, член которой Александр Яковлевич Лазарев (председатель общества любителей драматического искусства в Кишиневе) установил связи с академиком Александром Михайловичем Опекушиным, автором памятника Пушкину в Москве (1880 г.). А. М. Опекушин предложил два варианта бюста Пушкина, копии с памятника в Москве: бюст того же размера, что и московский памятник (2000 рублей) и — в уменьшенном размере (1000 рублей). Заказали второй вариант. В апреле 1881 года бюст Пушкина был доставлен в Кишинев. Однако в связи с тем, что министерство внутренних дел вело длительную переписку по вопросу об утверждении надписей на памятнике, он не был открыт ни в 1882 г., ни в 1883 г.

В «Деле» сохранились проекты 24 надписей, в виде двусторонних, к памятнику Пушкину. Но все они были настолько примитивны и по содержанию, и по форме, что не были утверждены Комиссией при Кишиневской Городской Думе по сооружению памятника А. С. Пушкину.

Но вот, наконец, в «Деле» на отдельном листке (л. 23) за ноябрь 1883 г. мы читаем, что некий Тузин «от голо- вы», т. е. от себя, предложил следующие надписи. Вот точный текст этого листа:

«ноября 1883 г.
Записано от головы Тузини.
(Спереди)
Пушкину
26 мая 1884
сзади

Здесь, лирой северной
пустыни оглашая,
Скитался я...
1820 1821 1822 1823»

Эти надписи были утверждены, и открытие памятника А. С. Пушкину намечено на 26 мая 1884 года. Однако, как видно из материалов «Дела», волокита с открытием памятника заняла ещё целый год.

В связи с предполагаемым открытием памятника поэту в мае 1884 г., член Комиссии А. Я. Лазарев 1-го

февраля 1884 г. составил проект программы открытия памятника. (Л. 36 и на обороте л. 37). Для нас сегодня это очень важный документ, т. к. можно будет осуществить примерно ту же программу при возвращении памятника на его историческое место.

Во-первых, А. Я. Лазарев предложил послать приглашения детям А. С. Пушкина. А затем излагалась программа проведения открытия памятника А. С. Пушкину 26 мая 1884 г. (т. е. в день рождения поэта по старому стилю).

«День открытия памятника, — писал А. Лазарев, — начинать служением в Кафедральном соборе с панихиды поэту. Затем направляется шествие к памятнику». На отдельном листе (л. 145) составлен порядок шествия: во главе Комиссия по сооружению памятника, Городской Голова, учащиеся училищ и гимназий, депутаты от разных обществ, гости, жители Кишинева.

Когда шествие подойдет к памятнику, то «по знаку Городского Головы снимается завеса, играет оркестр. Засим происходит церемония освящения памятника, после чего Городской Голова и депутаты возлагают венки к памятнику». Затем говорят краткие речи. «Торжество заканчивается народным гимном». Потом в саду состоится народное гуляние под звуки оркестра. В зале Благородного собрания состоится пушкинский вечер.

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА

Оркестр музыкального общества исполнит увертюру к опере «Руслан и Людмила».

Краткая речь о Пушкине. Исполнение романсов на слова Пушкина.

Чтение стихов Пушкина. Драматизированные отрывки из поэмы «Цыганы».

ХОР

Таким образом, казалось, все было готово к открытию памятника Пушкину 26 мая 1884 года. Поэтому Городская Управа за подписью Городского Головы Карла Александровича Шмидта разослала 18 мая 1884 г. отпечатанное в типографии «Объявление» (л. 51) об открытии памятника Пушкину 26 мая 1884 года. Однако министерство внутренних дел не дало разрешения на открытие памятника, в связи с чем Городской Голова 24 мая 1884 г. дал новое печатное объявление (л. 60), в котором было написано: «Сим честь имею извести во всеобщее сведение, что назначенное было на 26 сего мая открытие в городском саду обелиска А. С. Пушкина по непредвиденным обстоятельствам отлагается, — о дне открытия мною будет заблаговременно объявлено».

24 мая 1884 г. Кишиневской Городской Голова К. Шмидт. История с открытием памятника А. С. Пушкину затянулась ещё на год. 17 августа 1884 г. Кишиневский Городской Голова обратился с просьбой к Бессарабскому губернатору ходатайствовать перед министерством внут-

ренних дел о разрешении открытия обелиска Пушкина (л. 73). И вот 30 октября 1884 г. Бессарабский губернатор сообщает Кишиневскому Городскому Голове о том, что министр внутренних дел считает, что «бюст поэта поставлен на пьедестале весьма неудовлетворительно в художественном отношении». «Но так как сооружение такого памятника уже исполнено, то он, г. Министр, не встречает препятствия к открытию его с теми надписями, которые на нем сделаны» (л. 86 и на обороте).

Так, наконец, была завершена пятилетняя (со времени получения от А. Опекушина в Кишиневе в апреле 1881 г. бюста А. С. Пушкина, см. л. 13) волокита с установлением памятника А. С. Пушкину в Кишиневе, и 26 мая 1885 г. состоялись торжества открытия памятника поэту. А до этого в Протоколе от 11 апреля 1885 г. заседания Комиссии при Городской Думе по устройству памятника Пушкину было записано: «Поставили: открыть памятник по программе, предполагавшейся в прошлом 1884 году».

Такова история «Дела» подготовки к установлению памятника А. С. Пушкину в Кишиневе.

Но всему этому нужно добавить следующие факты. В адрес Городской Думы пришли многочисленные письма и телеграммы, в том числе и от детей А. С. Пушкина. Сын поэта генерал-майор Александр Александрович Пушкин писал: «При всем желании присутствовать на дорогом для меня торжестве некоторые семейные обстоятельства не позволяют мне в настоящее время предпринять эту поездку, тем не менее я глубоко тронут лестным для меня вниманием...».

В 1937 году, в связи со 100-летием со дня смерти А. С. Пушкина, на левой стороне пьедестала была выгравирована надпись тех же строк из стихотворения «К Овидию» на молдавском языке в переводе писателя Н. Рус-

сенко. Ранее памятник А. С. Пушкину стоял в одной из боковых аллей парка. В 1954 году, 26 апреля, памятник был перенесен на новое место — на 50 метров вправо от прежнего местонахождения — в центр парка имени А. С. Пушкина, перед Аллеей классиков молдавской литературы.

Но теперь настало время вернуть памятник А. С. Пушкину на его старое, историческое место, на которое его поставили граждане Кишинева, собравшие на памятник свои добровольные пожертвования, и в том виде, как он стоял в 1885 году. А в этом нам поможет снимок памятника А. С. Пушкину от 26 мая 1885 года, который сохранился в моем архиве и который здесь публикуется. Как это явственно видно, памятник тыльной стороной был обращен к аллее, ведущей (вдали виден просвет) к улице Семинарской (затем ул. Гоголя, а теперь ул. Г. Багдасаряну-Бодони). Вокруг памятника подвешены цепи на столбиках. Позади памятника поставлены беседка, фонарь. Все это и нужно будет учесть при возвращении памятника на старое, историческое место, т. е. на 50 метров ВЛЕВО от теперешнего его местонахождения. И думается, что будет очень правильно, если при этом возвращении памятника будет осуществлено примерно по программе 26 мая 1885 года.

И чтобы можно было хорошо подготовить возвращение памятника на старое, историческое место, то нужно немедленно создать КОМИССИЮ при Кишиневском муниципальном Совете народных депутатов, а торжества по поводу возвращения памятника на его историческое место провести в день рождения А. С. Пушкина, 6-го июня 1992 года. Тогда это пройдет как истинно всенародный, всемирный праздник культуры, мира и дружбы в Республике Молдова.

Борис ТРУБЕЦКОИ.

